

Е. Н. Пенская

Экспертный «зуд» / экспертный «зуб»

Эпизоды становления языковых мифологем на материале сетевых источников (Опыт реконструкции)¹

В статье рассматриваются речевые формулы, культивируемые в интернет-проектах 1990-х гг. Анализируются особенности языковой среды, сформированной на стыке сетевых и неvirtуальных речевых практик. На примере «Русского журнала» и «Полит.ру» описываются лингвистические тенденции, влиявшие на изменение культурной ориентации и идентификации носителей русского языка.

Ключевые слова: эксперт, становление речевых формул, языковой нарциссизм, речевая неврастения.

Статья представляет собой фрагмент исследования, посвященного анализу языкового конструирования фигуры эксперта — нового для российской реальности персонажа середины 1990–2010-х годов. В работе описывается генезис нескольких речевых формул, выведенных, а затем активно и сознательно культивируемых как языковой и смысловой «гомункул» в пространстве некоторых интернет-проектов середины 1990-х. Речь пойдет о стратегиях «вброса» этих языковых «гомункулов» в речевое пространство, инфильтрации ими сетевого и несетевого контекста, речевого обихода, усвоенного, в частности, блогосферой начала 2000-х.

Необходимо в самом начале сделать важную оговорку. На материале case-study автор намерен предложить некоторые подходы к аналитической процедуре сбора фактов, характеризующих изменения в языке и культуре. В качестве кейса рассматривается сетевое издание «Русский журнал» (www.russ.ru), к созданию и работе которого автор предлагаемого исследования имел непосредственное отношение на протяжении ряда лет — с 1997 по 2010 год. Формирование особой языковой среды на границе интернета и несетевых, традиционных практик — вот, собственно, задача, которую определили для себя те, кто стоял за организа-

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013–2014 году.

цией и запуском, а впоследствии обеспечивал долгосрочное, влиятельное функционирование таких проектов, как «Русский журнал» и «Полит.ру» (www.polit.ru). Поначалу эти интеллектуальные порталы, библиотеки оригинального контента, — соперники, конкуренты, пристально наблюдающие друг за другом, плодотворно сотрудничали как минимум 5–7 лет, возделывая общее языковое интеллектуальное поле, на котором взрастали плоды речевой и умственной деятельности. Эта речевая продукция усиленно впитывалась и распространялась затем другими участниками медийных и академических процессов. Десятилетие — вполне достаточный срок для закрепления новых речевых «ядер» и привыкания к сетевым персонажам, речь которых маркируется новой лексикой.

Особая чувствительность к языку, к «уживаемости» и слому языковых пластов — отличительная черта разработчиков сетевого проекта «Русский журнал», одна из ключевых задач которого, как это формулировалось в многочисленных обсуждениях и дискуссиях 1996–1998 гг. (двухлетие становления проекта, его «пилотный цикл»), закрепленных во внутриредакционных документах, а затем выложенных в сети, — «проведение гуманитарной экспертизы». Эксперт же — автор, организатор, «дежурный», в функции которого вменялось ежедневное приготовление «экспертного меню», высвеченного на специальном «экспертном табло».

«Ужель загадку разрешила? / Ужели слово найдено?». Действительно, слово «эксперт» с сопутствующим шлейфом его псевдонимов («публичный философ» и «публичный интеллектуал» доминировали в словесном ряду дублеров и заместителей) и коннотаций вживлялось, далее — усваивалось и распространялось с возрастающей скоростью. Сетевая среда прямо и косвенно способствовала «засорению», а радиус языковых «кругов на воде» разрастался стремительно, уводя далеко от центра вброса. Поэтому в этот период легко обнаружить исходные точки, языковые «пункты отправления», речевой трансфер, рифмовки, перекочевывание формул и клише из текста в текст. В какой-то мере отслеживание «экспертной траектории» позволяет проследить образование одного из важных фрагментов лингвистической карты, выстроить некое подобие изоглоссы.

Собственно «экспертный язык» был придуман и, более того, его использование действительно вменялось в обязанность как необходимая практика и набор инструментов — идеологических, стилистических, исследовательских — для выполнения чрезвычайно интригующих задач: «расчищения смысловых завалов и описания той реальности, что досталась в наследство от распавшегося Советского Союза и в то же время стремительно обростала новыми обстоятельствами»². Экспертная работа

² ДСП. Внутриредакционная переписка 1996 года.

понималась как синтез ассенизаторских действий, диагностики и расследования, осуществляемых в разных жанрах и форматах — эссе, интервью, аналитики, проведения регулярных семинаров и круглых столов, объединявших представителей академических и консалтинговых структур, медиа, всевозможных центров и управлений, — словом, всех, кто делал «погоду» и хаотично участвовал в становлении пестрой, меняющейся гуманитарной повестки дня.

Правомерно ли говорить о каких-то программных действиях, о специальной лингвистической политике, о языковом «заговоре» экспертов 1990-х?

Обобщая некоторый опыт, можно в качестве гипотезы выдвинуть следующие тезисы:

- Начало 1990-х было отмечено острым осознанием свободы высказывания, прежде всего речевого освобождения;
- Как следствие, язык стал объектом повышенного внимания и «героем дня»;
- Речевая «упаковка» высказывания, мнения, комментария выступала «визитной карточкой» эксперта, маркируя «посвященность» и допуск к специальному знанию;

В качестве «побочных эффектов» этих процессов имеет смысл рассматривать:

- повышенную чувствительность к слову,
- языковой нарциссизм³,
- тревожность, речевую неврастению.

Идея и ожидание «нового языка» объединили тех, кто в ту пору стоял у истоков ключевых медийных и сетевых проектов, да и в целом обустра-

³ Нарциссизм в использовании языковых средств проявился в настоящее время не только в русскоязычной среде и в рунете, а стал повсеместной тенденцией. Составители Оксфордского словаря английского языка выбрали главное слово 2013 г. Им признали термин *selfie*, обозначающий «фотоснимок самого себя», передает Reuters. Филологи объяснили свой выбор стремительным ростом популярности этого слова: оно употребляется англичанами все чаще, и не последнюю роль в этом играют социальные сети, которые стали рассадниками подобных «фотокарточек». Оказалось, что за год частота употребления слова *selfie* выросла на 17 000% (семнадцать тысяч). Первое его упоминание относится к далекому 2002 г. Британская экономика о таких темпах роста может только мечтать. Авторы словаря дали следующее определение *selfie*: фотография самого себя, как правило, сделанная при помощи смартфона или веб-камеры и размещенная в социальных сетях. Отметим, что критики соцсетей считают подобные снимки «квинтэссенцией нарциссизма». <http://top.rbc.ru/society/19/11/2013/889545.shtml>. Стоит добавить, что к нарциссическим свойствам можно отнести самоцитирование, повторное воспроизведение собственных записей, распространение языковых автопортретов и «фотокарточек» своего стиля.

ивал сетевое пространство, куда в начале нулевых во многом перешла большая часть разговорной, эпистолярной активности.

Здесь целесообразно сделать историческое отступление и кратко охарактеризовать культурную родословную (генезис) тех групп, которые заинтересованно участвовали в обновлении языковой среды.

Прежде всего имеется в виду академическая и околоакадемическая среда 1960–1980-х. «Выпускники» неофициальной сферы, практиковавшиеся в домашних обсуждениях и неподцензурной печати, в конце 1980-начале 1990-х брали реванш.

Так, к примеру, проблему «феноменологии семинара» и особенностей «внутрисеминарского языка» очень точно поставила Н. В. Брагинская.

«Научный домашний семинар» — довольно парадоксальное явление.

Ядром понятия «домашний семинар» Н. В. Брагинская предлагает считать научную, или учебную, или научно-учебную коллективную деятельность, регулярно осуществляемую в сугубо частных условиях. Содержание этой деятельности общественно значимо и публично — научная работа, исследование и обучение, форма приватна — дружеская встреча, «гости», чаепитие. Научный домашний семинар — это *contradiction in adjecto*, такой тип семинара и расплодился в 1970-е гг.

Откуда, как возникают семинары?

«Образовательная система производит когорты, которые к моменту резкой смены климата оказываются без места. Социальные маргиналы увековечивают свое состояние младших, потому что общество больше не нуждается в той роли, к которой этих людей готовили. Удел их — быть никем, вести призрачное существование... Семинары 70-х гг. образовали, грубо говоря, старшекласники и студенты «оттепели», а объединялись они чаще вокруг людей более старшего поколения, имевших и некоторый формальный статус, и авторитет.

В следующем «цикле» маргиналам предшествующего периода выпадает шанс обрести статус. Хотя не всем, конечно, случается им воспользоваться даже индивидуально, но некоторые семинары 70-х гг. породили институализированные сообщества уже в постсоветское время. Так и семинар В.С. Библера породил целый ряд институализированных образований, хотя и его материнская, семинарская, форма продолжала жить, пока был жив сам Библер»⁴.

Н. В. Брагинская напоминает об устройстве еще нескольких значимых в советском контексте семинаров. Один из них, более узкий и специальный по тематике: античная философия и наука. «Он проходил дома у Ивана Дмитриевича Рожанского. До занятий историей античной науки Иван Дми-

⁴ Здесь и далее: <http://www.russ.ru/Kniga-nedeli/Domashnie-seminary-1970-h>

триевич был физиком, причем физиком-дипломатом по ядерным, кажется, технологиям. Он был сыном профессора еще царских времен (о достойном поведении его отца мы прочитали в свое время в «Архипелаге Гулаг»). Обе стороны его происхождения были типологически значимы: математики и физики (математики в большей мере) обладали высокой «семинарской готовностью», а кроме того, Рожанский был намного, на два поколения, старше тех, кого собирал, и наследовал традициям интеллигенции с досоветским жизненным опытом. Этот семинар... просуществовал до начала 1980-х. У него тоже были постоянные участники — Андрей Лебедев, Анатолий Ахутин, Сергей Муравьев, Юрий Шичалин, Татьяна Бородай, Алексей Сидоров, Александр Столяров и др. ... Все участники были немножко маргинализованы или находились немножко не на своем месте».

Невозможно пропустить «портреты семинарской жизни», нарисованные Р. М. Фрумкиной:

«Для большинства своих ровесников, и тем более для пришедшей вслед за нами молодежи, Игорь (*Мельчук — Е.П.*) был, несомненно, харизматической личностью. (Я пишу „был“ не потому, что сам он изменился, а потому, что в Монреале на эту харизму не может быть спроса.) Харизма многократно усиливала его организаторские способности. Игорю не нужно было тратить время для объяснений, почему надо делать то, а не иное — будь то маршрут похода, организация семинара или еще что-то. В такого рода ситуациях ему даже не приходилось быть деспотичным — за ним шли с радостью.

Так, без всяких размышлений, и я стала постоянным участником организованного Игорем маленького семинара по математике, который с осени 1957 года у нас в институте вел прекрасный математик Аркадий Онищик. В математике я всегда была не сильна, но вне зависимости от этого мне как-то даже не пришло в голову усомниться в том, резонно ли начинать серьезные занятия лингвистикой именно с математики. Как я уже упоминала, в университете я выбрала лингвистику, но не получила основательного лингвистического образования. Казалось бы, надо было восполнять именно эти пробелы. Однако же необходимость освоения каких-то основ математики не мне одной представлялась тогда делом первостепенным.

Наш семинар проходил в той самой «комнате за залом», где, начиная с лета 1958 года, мы потом сидели вместе с Игорем в секторе Реформатского. В нем участвовал покойный Ю. К. Лекомцев — востоковед и совершенно своеобразный теоретик; Т. Н. Молошная — лингвист, работавшая с О. С. Кулагиной и А. А. Ляпуновым над машинным переводом с английского; Е. В. Падучева, которая тогда занималась возможностями теоретико-информационного подхода к изучению языка, и я.

Аркадий Онищик был нашим ровесником и, как всякий прирожденный педагог, ориентировался на то, чтобы его понимали менее способные

участники семинара. Игорь и Юра все схватывали на лету. Лена от них несколько отставала, а мы с Таней плелись в хвосте. С той разницей, что я отчаянно пыталась что-то понять, а Таня была скорее равнодушна. Игорь начинал скучать и негодовал на мою тупость, я же не могла взять в толк, почему очевидно верные утверждения из теории множеств являются, тем не менее, теоремами, которые надо доказывать.

Почти одновременно я стала ходить еще на один семинар, более многочисленный и с широкой тематикой. Его с 1956 года вели на филфаке МГУ математик, специалист по математической логике В. А. Успенский и лингвисты — Вяч. Вс. Иванов и П. С. Кузнецов. (Историю этого семинара см. в работе В. А. Успенского «Серебряный век структурной, прикладной и математической лингвистики в СССР и В. Ю. Розенцвейг». — Wiener Slavistischer Almanach, Sonderbd 33, Wien, 1992.) По существу, для многих из нас именно с этого семинара и началась новая лингвистика [Фрумкина 1997]⁵.

Как известно, Р. М. Фрумкина в 1967 году была организатором собственного «домашнего семинара»⁶, куда входили математики, лингвисты, психологи, философы. Об «экспертных языках» семинарского общения Р. М. Фрумкина рассказывала и писала не раз в своих публикациях⁷.

Чуть забегаая вперед, стоит отметить, что многообразная палитра языков гуманитарной экспертизы, как она сложилась к началу «нулевых», ее истоки, лингвистические модификации обсуждались Р. М. Фрумкиной и В. Л. Глазычевым, курировавшим «Русский журнал» и аффилированные сетевые и несетевые проекты. Глазычевские «колонки» нередко взрывали и сталкивали «пузыри слов», плавающих вокруг, «прокалывали» их иронией и знанием вопроса. «Право, не знаешь, что и думать. Бог весть, по какой причине, в образованном нашем сословии напрочь отсутствует интерес к нынешней российской действительности в ее подлинном драматизме»⁸. Глазычев — во многом родом оттуда — из академических, домашних, околжурнальных семинаров 1960–1970-х, одним из кураторов фундаментальной экспертизы которых было содружество авторов и редакторов издания «Знание — сила»⁹.

⁵ Фрагмент опубликован в «Русском журнале» 12.01.2000. <http://old.russ.ru/edu/academ/20000112.html>

⁶ Благодарю Е. В. Рахилину и В. А. Плулгяна за содействие в знакомстве автора статьи с Р. М. Фрумкиной, сотрудничество с которой в «Русском журнале» продолжалось с 2000 по 2003 гг.

⁷ <http://old.russ.ru/authors/frumkina.html>

⁸ Глазычев В. Л. Разговоры. <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/Razgovory>. Страница в «Русском журнале» <http://russ.ru/avtory/Glazychev-Vyacheslav>

⁹ Кстати, «экспертный зуд» и «зуб» — эта шуточная рифмовка возникла в переписке автора данного материала с В. Л. Глазычевым в 2006 году по поводу языковых фантомов и пустот, заполнивших публичное и частное сетевое пространство.

Масштаб полуофициальных семинаров — 30–60 человек — ключал домашний формат, но привязаны они были все-таки не к учреждению, а к человеку, лидеру. Ядро семинара Левады¹⁰ составлял сектор теории и методологии разогнанного М.Н. Руткевичем в 1972 г. Института конкретных социальных исследований. «Семинар Левады ютился под той или иной застрехой, а по содержанию был самым универсальным: философия с Пятигорским, история с Яниным, филология с Чудаковой, демография с Вишневым и т. д. Социология, которая там обсуждалась, тяготела к общей методологии и теории культуры. Если семинары Мелетинского и Рожанского отталкивались от официоза в содержательном, методологическом и тематическом аспектах, а разговоры, не дозволенные начальством, бывали разве что за чаем, то у Левады все-таки в центре была актуальная современность, даже если доклад был о Хлебникове. Ядро семинара образовало при очередной смене климата основу сначала ВЦИОМа, а потом Левада-Центра... К началу 80-х стали хиреть или прекращать свою деятельность многие семинары»¹¹.

Важно отметить, что именно на этих частных семинарских площадках-симпозиумах, где один эксперт-специалист дополнял другого, складывался тип универсального общения профессионалов. У него были свои сильные и слабые стороны, породив в том числе «гуманитария общего профиля» — синоним некомпетентности, нередко представленной сегодня в секторе гуманитарной, социальной, политической экспертизы.

Любопытно, что переупаковка традиций прошлых десятилетий произошла довольно быстро, а те, кто встал у нового конвейера, называли себя технологами. Многие основатели гуманитарно-технологического цеха в том или ином виде прошли школу «домашних научных семинаров», либо будучи активными участниками и даже лидерами на позднем этапе, либо в качестве «первых учеников» занимая место «рядом с лидером». Так, Глеб Павловский, владелец «Русского журнала», называл себя «практикующим историком» [Павловский 2004] и во многом продолжал — сначала в журнале «Век XX и мир», а потом в программе Фонда эффективной политики — «образ действий», сложившийся в домашнем общении с М. Я. Гефтером¹².

Если вернуться к осмыслению языковой ситуации рубежа советской и постсоветской эпохи, пограничья досетевой и сетевой культуры, то, на-

¹⁰ Левада Ю. А. Научная жизнь была семинарская жизнь. <http://www.socjournal.ru/article/317>

¹¹ Брагинская Н.В. Домашние семинары 1970-х. <http://ivgi.rsuh.ru/article.html?id=54014>

¹² С 2010 года началась другая история «Русского журнала»: издатель его отошел от дел и вернулся в свою первоначальную домашнюю ипостась, запустив “www.gefter.ru”, «монографический» проект в память своего учителя. Мемориальность сайта обезопасила разработчиков от былых претензий на влияние, идеологические и языковые провокации.

верное, общее стойкое ощущение слома и столкновения языковых пластов, речевых практик, участие в общей «языковой утопии» объединяло и опьяняло задором разные поколения¹³, уравнивая и «шестидесятников», и тех, кому в начале 1990-х было около тридцати или чуть за тридцать. В немалой степени проживание этой утопии способствовало и отрезвляющему взрослому.

Тем не менее, речевой «ажитаж», беспокойство, принимавшее разные формы «невроза», заметно проступало в ту пору, а еще резче и красивей оно обозначилось в контексте эпидемии мемуаров, которым по разным причинам предались отцы-основатели крупных сетевых и несетевых проектов 1990-х. Юбилейный повод в этой связи — самый существенный, и многочисленные фестшрифты, фест-интервью, посвященные круглым датам того иного исторического сюжета, обнажили языковые кухни и лаборатории как едва ли не центральные в коллективных хлопотах 1990-х нулевых.

Язык в немалой степени стал товаром, или лейблом, товарным знаком. В наши дни поток воспоминаний прояснил и еще одну вещь: каждый опекал свою языковую делянку и верил в ее уникальность. На самом деле, поляна вместила многих, идентичность же проступила лишь спустя годы. Юбилейные «допросы», «признания» и «очные ставки» проясняют тождество языковых намерений и механизмы функционирования речевой мифологии.

Так, интервьюер Екатерина Кронгауз в аннотации к разговору с Владимиром Яковлевым, основателем газеты «Коммерсантъ», акцентирует: «Величие замысла» (говоря словами Иосифа Бродского), обусловившее историческую роль «Коммерсанта» в истории постсоветских СМИ, состояло в другом — Владимир Яковлев понял, что новая эпоха требует нового языка описания, и создал медиа, такой язык предложившее. Вводя новые слова и подходы для отражения происходившей в стране буржуазной революции, «Коммерсантъ», таким образом, сам моделировал новую социальную реальность, многие ключевые понятия которой (такие как, например, «новые русские») впервые возникли на его страницах.

И дальше «ответчик», делаясь многими фактами, не раз возвращается к языковой теме. Он описывает словно бы какую-то внутреннюю пьесу, отдельный сценарий, главное действующее лицо в которой — речь, слово :

- *язык был мелодией, которую придумал и расслышал сам Владимир Яковлев;*

¹³ Слово «кайф» — одно из самых частотных в беседах того времени, что фиксировалось и первыми сетевыми проектами 1990-х. Устный подкорпус НКРЯ подтверждает наблюдения.

- *мелодия — хорошая, интересная, запоминающаяся и которой можно легко и быстро научиться;*
- *язык обладал каким-то внутренним конфликтом;*
- *писали про себя и для себя*¹⁴.

В этом признании есть все: «и черти, и любовь, и страхи, и цветы». И ностальгия, и трепет, и нарциссизм¹⁵.

Совершенно закономерно и ожидаемо в данном контексте появление фигуры Максима Соколова, «птенца птенцов» коммерсантовского гнезда, нарратив которого окормлял, эпатажно сближая, сетевое и не-сетевое пространство. Феноменология соколовского стиля в нулевые, да и позднее, долго сохраняла свою привлекательность для университетских товарищей, медийных коллег и блогосферы¹⁶.

Однако постоянный распад групп, коллективов, уходы-приходы, смена контуров и структуры недолговечных команд¹⁷ влекли за собой быстрое распространение «капризов носителей языка»¹⁸, что приводило языковые инструменты в чрезвычайно возбужденное и нервическое состояние. Конфликты были не столько и не только системные, но и стилистические. (Вспомним эталонное: «Коммерсантъ» — «Эксперт»; «Независимая газета» — «Сегодня»). Вибрация языковой фактуры — вот, по-

¹⁴ Владимир Яковлев: «Коммерсантъ» был частью изменений системы ценностей http://ria.ru/media_Russia/20130924/964464101.html

¹⁵ Статьи, такие полюса как «глянцевый» язык и язык «деловой фактуры», конкретный, лаконичный и рубленый, на поверку оказались одной и той же сущностью, только в разных костюмах, используемых в разных комбинациях и декорациях. Признания Игоря Шулинского, создателя журнала «Птюч», подтверждают: проект начался с языковой инвентаризации и табуирования ряда слов, используемых в интеллектуальных и деловых тусовках, «культурных» журналах. Речевое аутодафе происходило регулярно, и в число самых первых жертв попало слово «концепция». См. «Коммерсантъ» создал безличную журналистику, а «ПТЮЧ» — глянцевою». http://slon.ru/russia/kommersant_sozdal_bezlichnuyu_zhurnalistiku_a_pty-530425.xhtml

¹⁶ Вспомним виньетки, сочиненные друзьями М. Ю. Соколова Сергеем Козловым и Олегом Проскуриным по поводу выхода его двухтомника «Поэтические воззрения россия на историю» и опубликованные в журнале «Новое литературное обозрение» в 2000 (№ 41). «Наконец-то пришел писатель, <...> собравший, объединивший и оправдавший умеренные богатства языка, мысли, истории etc. в едином стилевом усилении» (Т. Толстая). «Дальше так мыслить и писать было нельзя. И тогда пришел Максим Соколов, который радикально изменил литературный модус восприятия современной политики» (О. Проскурин). Этими цитатами начинает свою достаточно умеренную рецензию Андрей Зорин «Паноптикум культурного сообщества», появившуюся в соседнем издании «Неприкосновенный запас» (2000, №4 (12)). http://magazines.russ.ru/nz/2000/4/reporter_9.html

¹⁷ Здесь не место обсуждать экономические и политические векторы тогдашних почти мультипликационных перемен, происходивших в медиа и в интернете.

¹⁸ «Диагноз» В. Л. Глазычева, поставленный в 2001 г., когда блогосфера начала набирать обороты и конкурировать с традиционными медиа.

жалуй, доминирующий симптом, проступающий в корпусах мемуарных текстов, собираемых последние годы агрегаторами www.slou.ru и www.gia.ru. Сладостный мифологический нарратив исполнителей главных партий высвечивает спустя полтора-два десятилетия упоительную для прошедшей эпохи пряность насыщенного языкового «бульона», изготовляемого на глазах публики. Без преувеличения можно сказать, что 1990-е — это эпоха лингвистического Sturm und Drang, лингвистика чрезвычайно расширила свои границы и вторглась в те пределы, что ранее находились вне ее ведомства.

Чувствительность к языковым изменениям, коррозии речи свидетельствовала о том, что внезапно «лингвист проснулся» буквально в каждом, кто был причастен к тогдашней медиасфере. В высказывании А. Н. Привалова, приведенном ниже, подтверждаются наши наблюдения над усугублением selfie — нарциссизацией внеречевых и речевых стратегий.

«Мы не сразу поняли, что мы делаем нечто скорее для себя, чем для публики... Мы оказались сразу в жесточайшей конкуренции с самими собой. (Добавим: еще больше языковой, стилистической, потому что именно эти субстанции стали маркированными для внешней аудитории и узнаваемыми. — Е. П.). Мы оказались в конкуренции с собственной тенью и довольно долго в ней барахтались — это все было очень непросто. ... До нас стало доходить, что немножко слишком мы увлечены своими личными бекграундами. Почти все, за небольшим исключением, ведущие авторы журнала пришли так или иначе из научной среды. И некоторые из нас поварились в разного рода живом бизнесе — как консультанты или участники. Но, в общем, сугубо теоретический подход в журнале был заметно более серьезен, чем это было необходимо. И мы где-то через год устроили маленькую революцию. Хотя это, по-видимому, никак не было заметно снаружи, но мы сами себе объяснили (и даже вынесли на обложку новое слово), что мы журнал ни фига не экономический, мы журнал — деловой. Это было принципиальной переменной, хотя сейчас трудно объяснить, в чем она заключалась, но тогда было понятно, что это революция. Мы пишем не о том, как устроен мир на примерах текущих событий в экономике, потом политике страны, а мы пишем об экономике и политике вот этой страны, мы болеем за бизнес этой страны, мы отстаиваем позиции бизнесменов этой страны, вот мы здесь, мы деловой журнал России, мы русский деловой журнал».

Казалось бы, допрашиваемый говорит о сугубо внутренних и прикладных вещах, но, на самом деле, Привалов, отвечая на вопрос о выборе дороги журнала и поиске названия, вскрывает одну из фундаментальных лингвистических коллизий — появление конструкций-мемов, клонов, языковых муляжей, фантомов.

Приваловский нарратив вполне эпичен, и очерчивает он эпическое время, эпические события: «Это был почти суточный, двадцатичасовой, мозговой штурм. Название «Эксперт» придумал я, чем абсолютно не горжусь, потому что название-то плохое. Но в течение 20 часов ничего лучше придумано не было, так что назвали «Эксперт». Дело в том, что когда мы не хотели или не могли сослаться на конкретное лицо, которое дало нам какую-то информацию или сделало какую-то для нас оценку, мы писали «эксперты Ъ» — в Weekly еще. Это был наш мем, по нему легко было узнавать наши тексты. Ну а раз эксперты «Ъ» во многих случаях были мы сами, отсюда и появилось название, которое в двух отношениях нехорошо. Во-первых, слово нерусское и псевдонаучное, с тех пор очень сильно загаженное, тогда еще не настолько загаженное, а сейчас «эксперт» — слово просто помоечное, кто только не называет себя экспертом. А во-вторых, ужасно то, что в нем две буквы, которых нет в латинице, страшно маялись наши шрифтовики»¹⁹.

Привычный поворот беседы о языковом новаторстве коммерсантовских людей Привалов блокирует: на самом деле языков было много, все они разные, хотя имеют единый корень. Лингвистическая мифология упрощает картину, но упрощения неизбежны и естественны.

На этом промежуточном фрагменте целесообразно было бы завершить слишком растянувшуюся преамбулу и отступление, но ведь и сам анализируемый кейс — «Русский журнал» (www.russ.ru) — при всей его центральности, живучести (для сетевых проектов 17 лет — срок немалый) был и остается исторической ремаркой в большой пьесе, где автор и режиссер давно покинули сцену, а случайные действующие лица исполняют свою, только им ведомую архаику. Языковое многообразие съезжилось и вернулось в свое прежнее «доисторическое» состояние. Таким образом, возвращение к кейсу — не что иное, как продолжение и достраивание системы ремарок в данном рассуждении, ремарок или реплик о том, как сетевая культура оказалась местом активного порождения, эксплуатации, обмена и трансфера языковых калек, клонов, муляжей.

Здесь необходимо сделать второе отступление, преамбулу «номер два», повествующую о технологиях выращивания и распространения смысловых и речевых гомункулов.

Итак, «Русский журнал» — это сетевой «Мурзилка» — т. е. площадка, где свое интернет-детство провели несколько поколений, сетевой «пионерский лагерь», где были отряды авторов, колумнистов, обозревателей, редакторов-«вожатых», «линейки» и «зорьки», игры, как у взрослых. «Русский журнал» — это продукт интенсивного кочевья, территория

¹⁹ Привалов: название «Эксперт» придумал я. РИА Новости http://ria.ru/media_Russia/20131216/984387069.html.

randez-vous. Взаимодействие представителей самых разных, порой несовместимых, сред, отколовшихся индивидуумов, маргиналов и тех, за кем стояли серьезные кланы, традиции, финансы, на протяжении полутора десятилетий оно происходило нередко спонтанно и сопровождалось самыми странными и непредсказуемыми поворотами.

Историй «Русского журнала», как и любого мало-мальски состоявшегося проекта, несколько. Каждой сопутствует целый репертуар нарративов. Но любопытно отметить, что модус их сопряжения — лингвистический, что не раз повторяли создатели.

Юбилей «Русского журнала», а их отмечалось несколько, — это похоронный сериал. В последней части, к 15-летию, Глеб Павловский в очередной раз предложил читателю свою версию записок сетевого охотника или повестей сетевого Белкина. 1997 год был очень давно и остался «за горизонтом». Но как бы ни менялись концепции, скрепой оставался интерес к языку, лингвистическое дежурство, речевая вахта, которую пытались — каждый на свой лад — держать сотрудники.

Бумажный журнал «Пушкин» — предшественник «РЖ», после дефолта 1998 года окончательно ушел в интернет, но даже когда параллельно в течение года существовали две версии, «сетевизна» в бумаге поддерживалась отчасти насильственно и умышленно навязывалась: так в 1998 году появилась специальная вкладка — «журнал в журнале» — NET-Культура, затем в переключавшаяся в РЖ и к 2002 году совершенно растворившаяся там в обзорах сетевой жизни. Таким интернет-хозяйством заведовал Евгений Горный (он же Мирза Бабаев) <http://old.russ.ru/journal/archives/authors/babaev.htm> — писатель, журналист, философ, до прихода в РЖ редактор легендарного Zhurnal.ru и основатель Net-культуры в Русском журнале, а потом директор Русской виртуальной библиотеки, координатор проекта «Сетевая словесность», автор Летописи русского интернета и множества других работ <http://www.rvb.ru/about/meta/pravda022002.html>, последнее время авторитетно представленный как международный эксперт, исследователь блогосферы <http://nmc.wikischolars.columbia.edu/Key+Issues+of+Research>.

Лучшие люди рунета сотрудничали в ту пору с РЖ. А среди них, может, просто один из самых лучших — Роман Лейбов, «первопроходец», «пионер». С 5 января 1998 г. по 8 мая 2000 г. Роман Лейбов, уже в ту пору почти доктор филологии (защитил диссертацию в Тарту в 2000 г.) вел в Русском Журнале еженедельное обозрение «Бессрочная ссылка». 113 выпусков. В своем предуведомлении Роман объяснял смысл таких еженедельных авторских наблюдений: «Мои заметки исходят из ... презумпции, согласно которой интернет — это просто то, что со мной (и с Вами, и с кем угодно) происходит, когда мы запускаем определенные программы на своем компьютере. Не то, что делают при этом электроны

и кремниевые штуковины, а то, что делаем мы. Интернет в этом смысле будет занимать большое место в «Бессрочной ссылке», особенно в разделах «Место» и «Закладки». Субъективность такого подхода к делу очевидна и позволяет мне перемежать рассуждения о разных паутинных местах рассуждениями другого рода, скорее дилетантскими, но имеющими некоторое отношение к моим профессиональным занятиям (разделы «Слова» и «Глупости»). Раздел «Выписки» продолжит традицию, в сети заданную Иваном Паравозовым, а вне сети — восходящую у нас, кажется, к Розанову и сейчас блестяще продолжаемую некоторыми моими старшими коллегами». <http://old.russ.ru/ssylka/index.html>. В РЖ вел и Net-культуру, и колонку «Понедельник». Почти 10 лет до 2007 года. А вообще и до РЖ, и параллельно, и после много придумал удивительного. Например, первую виртуальную личность пенсионера Мая Ивановича Мухина. Личным секретарем которого он себя назначил, и в 2001 году сделал первую запись в русском ЖЖ, назвав дневник «лытдыбром» — словом, которое получалось в латинской транслитерации, если не переключить клавиатуру. По мнению Евгения Горного, стиль сочинений М. И. Мухина-Лейбова оказал значительное влияние на плеяду русских сетевых обозревателей и публицистов. Подражать нельзя, а продолжать можно.

Первые четыре-пять лет РЖ как-то стихийно, но мощно вел свою игру, не в последнюю очередь стилистическую, речевую, хаотично выстраивая партии, контрапункты. В результате сам собой сложился ансамбль.

К «кульминациям», бесспорно, относится Андрей Левкин, с 1998 автор в разделе «NET-культура», <http://old.russ.ru/authors/levkin.html>, а потом редактор рубрики «Политика», которую оставил в 1999, а уже в рамках политических контрактов ФЭП с администрацией президента и с другими заказчиками, возникли информационные проекты: «СМИ.ру» делал Андрей Левкин до 2000 года. С ноября 2006 по август 2008 года в РЖ Андрей вел самостоятельную рубрику «Новые описания», — по замыслу «журнал в журнале» со своими автономными границами и периодичностью. Идея и «описание описаний» на деле получились интереснее воплощения. Ключом к проекту Андрей считал «вещи-предметы-явления» самой что ни есть бытовой массовой реальности; обживаемая межрубричная территория заполнялась текстами-комментариями: между отраслями знаний (или — между журнальными рубриками) действительно есть территория, где действует промежуточный — на стыке профессионального и бытового — тип сознания. Различные формы интеллектуальной деятельности этим сознанием и склеиваются, но результаты деятельности обычно не фиксируются, — вот потому, что они какие-то промежуточные. Ближайший аналог, по Левкину, Тартуские Труды по знаковым системам, где тоже предлагались описания, только в другом временном режиме —

Past Perfect, а потом становились достоянием среды, более-менее широкого круга, интеллектуального клуба, и по мере надобности примерялись к другой реальности. «Новые описания» продолжали традицию, только «знаковые системы» сменились «знакомыми». Одной буквы хватило, чтобы подключить методологию к бытовым вариантам и описывать текучку, масскульт и пр., ... чтобы обживать даже самые неисторические истории. Получались полевые исследования... по выбираемым темам. Темник, словарь, составленный Левкиным, но так во многом и не воплощенный в статьи, наверное, остался самым «вкусным» в этом проекте. <http://russ.ru/pole/Novye-opisaniya>.

Как уже говорилось выше, в интернет попадали многие, пройдя сетевой профессиональный цикл, разделив с коллегами период распада. В 1999–2000 появился Борис Кузьминский. Блестящий переводчик (перевел роман Фаулза «Волхв» — 1993), редактор и литкритик (заведующий легендарным отделом искусства газеты «Сегодня» (1993—1996)), Кузьминский в конце 1990-х был «не у дел» и пришел в РЖ, оставив службу обозревателя в мебельном журнале «Табурет». За два-три месяца ему удалось превратить рубрику «Круг чтения» в раздел, с которого все без исключения начинали и которым заканчивали каждодневное чтение РЖ. «Круг чтения» тоже стал как бы автономным внутренним авторским изданием со своей энергетикой, структурой и своим стилем: «Шведская лавка», «Иномарки», обозрения «Аделаиды Метелкиной»²⁰ — виртуального альтер-эго Кузьминского, а еще «Чтение без разбору», «Книга на завтра», «Периодика», «Электронные библиотеки»...

Борис ушел в начале 2001. Заменить его было практически невозможно, хотя в тот год принял рубрику сильный филолог Олег Проскурин <http://www.russ.ru/authors/proskurin.html> (2001–2002), и в канун Нового 2002 незадолго до своего ухода взял у главного редактора «подъелочное» литературное интервью: Глеб Павловский. О языке политики и конце русской литературы. <http://www.russ.ru/krug/20011224-gp.html>

При Олеге была попытка создать «мастерскую рецензий». Подраздел «Штудии» курировал Андрей Немзер и обучал молодых филологов.

Сетевое кочевье, пассажирский транзит интернет-среды, выпукло представленный «Русским журналом», унифицировался одним свойством: оголенными языковыми нервами, лингвистическим беспокойством. Поэтому неслучайно Борис Кузьминский, составляя первый фешт-шриффт к пятилетию РЖ структурно выделил блок «Языки», куда вошли знаковые материалы: Лев Сигал «Разгневанный пурист и рассудочный лингвист, или инвектива против живого русского языка»; Симон Кор-

²⁰ Аделаида Метелкина — Дея — маска-персонаж, придуманный Б.Кузьминским еще в «Сегодня», а в РЖ получивший вторую жизнь, содержательное наполнение и прописку.

донский «Чапаев, штирлиц, русский, еврей, брежнев, чукча + ельцин = пушкин»²¹; Михаил Ремизов «Война, язык и неврастения» и др. [Русский журнал 2002] Признаемся, столько банальностей и общих лингвистических мест, сколько глубокомысленно аккумуляровалось в сети, сейчас трудно представить и подсчитать. Но очевидно, что многое диагностировалось именно в интернете, а сеть удерживала и подвергала фильтрации то, что позднее пригодится и в ученых руках превратится в научную концепцию. Так, сетевые предчувствия сбываются, а состояние языковой неврастении, неоднократно по разным поводам зафиксированное в «Русском журнале», вскоре обрело плоть в известной научной монографии [Кронгауз 2008].

Наряду с успехом, история «Русского журнала» — это история небывшегося, история неудач и провалов. В «РЖ» всегда пытались работать с неформатом, а недоовоплощенный «фирменный стиль» реализовался позднее в OpenSpace.

Вот как издатель Глеб Павловский объяснял свой образ «Русского журнала»:

«В то время можно было высказывать любое мнение, его цитировали в прессе, но я чувствовал, что не хватает площадки, нет места для совокупного присутствия ответственных людей. Ведь уже в то время были все те, кто на слуху и сегодня — Вячеслав Глазычев, Александр Филиппов, Андрей Белоусов (ныне министр экономики), Ярослав Кузьминов (ныне ректор Высшей школы экономики) и другие. Где эта «республика филологов» должна обитать? Вот для нее места нет. «Русский журнал» возник из этой идеи «места», в общении с Сергеем Чернышевым и Маратом Гельманом. Мы хотели сделать нечто вроде «антителевидения». То есть собрать интеллектуалов в некий бастион...²² ...Все-таки в подкладке моего отношения к РЖ всегда была тема власти. «Филологической власти». Власти языка. Не гегемонии, а именно власти, которая принадлежит русскому слову. Сегодня у меня здесь самые большие трудности. Я стал сомневаться в праве слова на власть. Будь то концептуальная или иная. Мне хочется все меньше ангажированности»²³.

²¹ http://old.russ.ru/journal/odna_8/97-11-13/kordon.htm

²² На год раньше родился «старший брат» журнал Slate <http://www.slate.com>, придуманный Биллом Гейтсом. По его замыслу не журналист, а эксперт-универсал, pundit, владеющий изящным интеллектуальным сленгом и способный объяснить в увлекательной эссеистической форме устройство сложных проблем бизнеса, политики, культуры, должен был стать ключевой фигурой он-лайн издания. Как видим, англосаксонские сетевые небыллицы всерьез тревожили сон нашей местной «отроковицы».

²³ Павловский Глеб. Поначалу я собирался лично, как повар, открывший ресторан, готовить сам все блюда, сам их пробовать и сам есть. <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/Ponachalu-ya-sobiralsya-lichno-kak-povar-otkryvshij-restoran-gotovit-sam-vse-blyuda-sam-ih-probovat-i-sam-est>

В своем последнем юбилейном интервью Павловский заметил: нулевые и отчасти девяностые создавали огромное количество микстов, где сталкиваются, конфликтуют, мирно уживаются языковые пласты — своя речь и немного все-таки не своя, порождая блуждающие «големы». «Русский журнал» — во многом можно считать чемпионом, одним из родоначальников таких микстов.

Сетевой «Голем», запустивший целый «тезаурус экспертности», меню языковых пустот — вот что такое «Русский журнал». Он возбуждал, но не удовлетворял голод, провоцировал охоту к конкретному и точному знанию (дразнил, называя «экспертным») и соответствующему фактографическому языку описания. Это знание, этот язык называли то «феноменологией жизни», то социальной антропологией, то «потребностью видеть жизнь в ее молекулярных формах»²⁴.

«Экспертность» как языковая мистификация, рожденная в сетевой штаб-квартире «Русского журнала», за 10–12 лет расплзлась «пятнами» по речевой поверхности блогосферы, СМИ, бумажным и сетевым.

Замеры «пульса» позволяют построить график, на котором отчетливо виден «экспертный зуб», столь пророчески угаданный Вячеславом Глазычевым:

Силуэт этого зуба показывает «вспучивание», языковое обострение, во многом спровоцированное «Русским журналом» и теми, кто прошел школу сетевых проектов. «Экспертное» намечалось, называлось, а затем подхватывалось, тиражировалось, донашивалось другими источниками. Пик распространения приходится, как показывает статистика, на рубеж 1990-х — нулевых²⁵.

Недаром, проживая один из финалов собственной истории, команда «Русского журнала» занималась рефлексией, самоанализом эксплуатируемой языковой субстанции, зараженной вирусом «экспертности». Один из исследовательских лейт-мотивов в позднем «РЖ» — это компаративистские практики, сравнение конкуренции Livejournal с традиционными

²⁴ Там же. Александр Морозов, юбилейный интервьюер Павловского.

²⁵ Статистическое исследование, оставшееся за пределами этой статьи, представляет результаты анализа и сравнения информации, полученной при использовании возможностей нескольких информационно-аналитических систем: «Медиалогия», «Интегрум» (преимущественно «Интегрум-профи»), КРОС «www.public.ru», www.gitika.ru, а также НКРЯ (www.ruscopora.ru).

СМИ в экспертных сюжетах. С легкой руки «РЖ — команды» экспертная тема прижилась и пустила мощные ростки в личной, почти «интимной» зоне, что стало внятным сигналом семантического и семиотического перерождения темы; а в конце концов переросло в серию войн блоггеров и представителей экспертных сообществ.

Недаром в бюллетене редакция публикует перевод статьи «Записки благонамеренного» Дэвида Фрама, появившиеся в журнале «The National Interest» (19.XII.2007). Фрам — экономист, в первые два года президентства Джорджа Буша-младшего готовил его выступления. В настоящее время — эксперт Американского института предпринимательства (AEI), «один из самых влиятельных и авторитетных представителей клана консерваторов в политическом Вашингтоне. Автор знаменитой концепции „оси зла“» [Куркин 2008]. В очерке описан системный конфликт между молодыми левыми демократами (netroots) и экспертным сообществом аналитиков и политических журналистов, обслуживающих интересы сформировавшегося при Клинтоне истеблишмента Демократической партии.

«Меня зовут Дэвид Фрам, и я блоггер. Каждый день я размещаю в Сети несколько сотен слов комментариев на сайте National Review. Причем часто я это делаю — в соответствии с известным клише, — еще не успев снять пижаму. Но при этом я — уважаемый эксперт-международник. В доказательство чего могу сослаться на то, что у меня есть свой собственный офис в одном из престижных аналитических центров.

К сожалению, оба этих сообщества, к которым я принадлежу, терпеть друг друга не могут — и от этого факта никуда не деться.

Сообщество экспертов-международников (СЭМ) ценит умеренность во взглядах и тщательный выбор выражений.

Его участники будут с вами разговаривать, только если убедятся, что вы ученый или официальное лицо, а лучше — и то и другое.

Они уважают высших по положению, преклоняются перед должностями, не доверяют тем, кто открыто сам себя рекламирует, легко обижаются на малейшее нарушение этикета.

Что касается блоггеров — ну, у них все наоборот, правда ведь?» [Фрам 2008].

Недаром один за другим одновременно на своем сайте и параллельно в «Русском журнале» Андрей Ашкеров <http://ashkerov.livejournal.com/> представил материалы, — свидетельства «экспертобесии», «экспертомании» — экспертной герменевтики. Все это хозяйство собрали и выпустили чуть позднее в виде брошюры в русскожурнальном издательстве «Европа» [Ашкеров 2009]. Думается, здесь и обозначалась развилка, указывающая финал, тупик «экспертности» — этого языкового фантома.

Языковые проблемы в широком смысле становятся доминирующими и многообразные переводческие практики, семантическое и семио-

тическое взаимное транспонирование (калек в том числе) подводят нас к обсуждению экспертной темы в новом измерении: очередные пласты и срезы отечественного эксперта лежат на пересечении политики и культуры, а в конце 1990-начале 2000-х быстро отреагировав на вбросы и импорт реалий «извне», абсорбируют иноязычные и инокультурные тренды. Интернет-пространство в этом смысле близко театральному. Языковые срезы безошибочно регистрируют муляжи и пустоты.

Литература

- Ашкеров А.* Эксперткратия. Управление знаниями. М., 2009.
- Кронгауз М. А.* Русский язык на грани нервного срыва. М., 2008.
- Куркин Н.* Неокон перед лицом взбунтовавшейся блогосферы // Русский журнал. 2008. № 1. С. 78.
- Павловский Глеб.* Разговоры с Гефтером. Уроки истории. М., 2004. Русский журнал. 1997 — ... М., 2002.
- Фрумкина Р. М.* О нас — наискосок. М., 1997.
- Фрам Д.* Записки БЛОГОнамеренного // Русский журнал. 2008. № 1. С. 79.